

Вера Полозкова

то что полюбил, тогда, тем
целой жизни, как и
и высокого, все люди насели
а то ни день, то бы
иногда думает теперь, когда я
говорил про Америку и Вьетнам
про них а я
и что во мне были нехотели
и друг, и ты
любовь, как тут месяц
то я делал здесь со своего
оптимально, и
чужими

и ты - то всего, много, трех
людей на свете, каждая как
как камень
и их теперь не боюсь
и ты
Безымянный Рубин
вернулся

о с т о ч е р ч е н и е

Вера Полозкова

Осточерчение

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9308875
Осточерчение./ Полозкова Вера.: Лайвбук; Москва; 2015
ISBN 978-5-904584-44-3

Аннотация

Вера Полозкова пишет о том, что неизменно существует вокруг и внутри нас. Говоря на одном языке со слушателями, она срывает овации многочисленной публики на своих выступлениях. Её поэзия обжигает настоящими чувствами, скрытыми во многих из нас.

“Осточерчение” – искусный синтез точных мыслей и виртуозного слога, собранных в 12 циклах стихотворного сборника молодой поэтессы.

Содержание

I		5
	Мантра	5
	Вряд ли	7
	Смех	9
II		12
	Производство смыслов	12
	Проверка связи	15
	Старая пластинка	17
	Шестнадцать строк	20
	Baby-face Whores	22
	Final Cut	24
	Рэп для миши	26
	Снова не мы	30
	Мастерство поддержанья пауз	34
	Aeroport Brotherhood	37
	Сыновья	40
III		41
	Дели	41
	Варанаси	43
	Каджурао	44
	Орча	45
	Семь ночей	46
	Агра	48

Древнерусская тоска	49
Пушкар	51
Каникулы на Луне	52
Джайпур	54
Гоа	55
Как водится	57
Последнее утро	59
Back to Paradise	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Вера Полозкова

Осточерчение

I

Мантра

я какое-то время жду тишины,
а затем объявляю свою монаршую
волю: «воины, знаю, вам это по плечу.
бог оставил меня
оставил меня за старшую
вам придётся сделать, как я хочу»

вместо двух бутиков на большой никитской —
«чертёжник» – там продают тетради и
нотные партитуры, «сластёна» – с теми же запахами
внутри
аня больше не держит свой ум во аде и
не выводит вдоль кисти бритвой «умри, умри»
рак становится излечим в терминальной стадии
игорь жив, и ему исполнилось двадцать три

автоматы за спинами у ребят становятся бас-гитарами

из каждой глубокой раны течёт шираз
и все сбитые кошки оказываются под фарами
просто тряпками, брошенными вдоль трасс
да, и мы с тобой просыпаемся завтра старыми
и в одной постели
на этот раз

31 октября 2008 года

Вряд ли

вряд ли смерть говорит «не звони сюда больше» или там из кабины пилота приветствует перед вылетом; ждёт в пустой операционной хирургом, вылитым джесси спенсером; стоит ли затевать возню. просит у тебя закурить на улице и подносит лицо к огню. подаёт томограмму и результат анализов, как меню. произносит безрадостно «подожди, я перезвоню».

и ты ждёшь, когда перезвонит, до вечера.
до полуночи. до утра.
и под утро вдруг понимаешь, что да, пора.

моя смерть обитает во мне, поёт из меня, как дженис, а сама шлифует свои ухмылочки и движеньица; у неё есть подружка, я жду, что они поженятся, доиграются, нарожают себе смертят, — каждый как пасхальный куличик свят, с головы до пят. и я буду жить столько, сколько они того захотят.

моя смерть из тех, что кладёт твою руку между ладоней и шепчет «только не умирай».
и вот тут ты просто обязан сдохнуть – как трагикомик и самурай.

9 декабря 2008 года

Смех

to Yoav

каждый из нас – это частный случай музыки и помех
так что слушай, садись и слушай божий ритмичный смех
ты лишь герц его, сот, ячейка, то, на что звук разбит
он – таинственный голос чей-то, мерный упрямый бит
он внутри у тебя стучится, тут, под воротничком
тут, под горлом, из-под ключицы, если лежать ничком
стоит капельку подучиться – станешь проводником
будешь кабель его, антенна, сеть, радиоволна
чтоб земля была ночью, днём смехом его полна

как тебя пронизет и прополощет,
чтоб забыл себя ощущать,
чтоб стал гладким, словно каштан, наощупь,
чтобы некуда упрощать
чтобы пуст был, словно ночная площадь,
некого винить и поработать
был как старый балкон – усыпан пеплом,
листьями и лузгой
шёл каким-то шипеньем сиплым,
был пустынный песок, изгой
а проснёшься любимым сыном,
чистый, целый, нагой, другой
весь в холодном сиянье синем, распускающемся дугой

сядешь в поезд, поедешь в сити, кошелёк на дне рюкзака
обнаружишь, что ты носитель незнакомого языка
поздороваешься – в гортани, словно ржавчина, хрипотца
эта ямка у кромки рта мне скажет больше всех черт лица
здравствуй, брат мой по общей тайне, да,
я вижу в тебе отца

здравствуй, брат мой, кто независим от гордыни —
тот белый маг
мы не буквы господних писем, мы держатели для бумаг
мы не оптика, а оправка, мы сургуч под его печать
старость – думать, что выбил право
наставлять или поучать
мы динамики, а не звуки, пусть тебя не пугает смерть
если выучиться разлуке, то нетрудно её суметь
будь умерен в питье и пище,
не стремись осчастливить всех
мы трансляторы: чем мы чище,
тем слышнее господень смех

мы оттенок его, подробность, блик на красном и золотом
будем чистыми – он по гроб нас не оставит. да и потом
нет забавней его народца, что зовёт его по часам
избирает в своём болотце, ждёт инструкции к чудесам
ходит в мекку, святит колодцы, ставит певчих по голосам

слушай, слушай, как он смеётся.
над собою смеётся сам

10 октября 2010 года

II

Производство смыслов

Елене Фанайловой

*Я пишу днём, пишу ночью
Пишу утром, пишу вечером,
Когда хожу, курю, ем, пью, гажду,
Когда сплю
Произвожу ей смыслы
Которыми она могла бы питаться,
Если бы ела буквы*

Елена Фанайлова, «Балтийский дневник»

производство смыслов для моей дорогой страны,
для неё и нескольких сопредельных,
крайне неблагоприятное дело, елена николаевна,
к тому же, оно совершенно не окупается.

смыслы трудно есть, особенно чистыми, без красотостей,
они пересоленные, железистые
они щетинистые, занозистые
они раздражают порядочным людям слизистые
а мы же такие тут все счастливые,

антикризисные

они заставляют дорогую страну мою призадуматься
пригорюниться
усомниться в собственной полноценности
в собственной привлекательности
мы же контра, мы подстрекательницы
добрые граждане из-за нас наполняют пепельницы,
попадают под капельницы

мы были бы не в пример богаче,
производя кукурузные хлопья, сладкие пончики
шоколадные питательные батончики
если бы дарили флакончики, развешивали бубенчики

милая елена николаевна
мы были бы миллионерами,
если бы сокращали смыслы

но мы производим.

этот рынок ужасно перенасыщен
он заполнен скверно одетыми дядями,
преимущественно нетрезвыми
сальноволосыми, с плохими зубами,
бреющимися нестерпимо тупыми лезвиями
вот они, доблестные борцы с социальными язвами
и вот я с вами
в страшный мороз иду через город

погода самая блядская,
нежилецкая
улица дербенёвская, кожевническая, станция павелецкая

и говорю про себя:

*«я райская адская
в смысле донецкая гадская
выдающаяся рассказчица
чисто сестра стругацкая»*

должность у меня писательская и чтецкая.
жизнь дурацкая.

18 января 2009 года

Проверка связи

и они встречаются через год, в январе,
пятнадцатого числа.
и одна стала злее и обросла,
а другая одета женой магната или посла.
и одна вроде весела,
а другая сама не своя от страха,
словно та в кармане чёрную метку ей принесла.

и одна убирает солонки-вазочки со стола,
и в её глазах, от которых другая плавилась и плыла,
в них, в которых была всё патока да смола, —
в них теперь нехорошая сталь и мгла.
и она, как была, нагла. как была, смугла.
«как же ты ушла от меня тогда.
как же ты смогла».

и другая глядит на неё, и через секунду как мел бела.
и она ещё меньше, ещё фарфоровей, чем была.
и в её глазах, от которых одежда делается мала,
и запотевают стёкла и зеркала —
в них теперь зола.
«ты не знаешь, не знаешь, как я тебя звала,
шевелила губами, ржавыми от бухла,
месяц не улыбалась,
четыре месяца не спала.

мы сожгли друг друга дотла,
почему ты зла?
разве я тебя предала?
я тебя спасла».

у них слишком те же губы, ладони, волосы,
слишком памятные тела,
те, что распороли, разъяли, вырвали из тепла,
рассадили на адовы вертела.
и одна сломалась,
другая была смела

каждая вернулась домой в тот вечер
и кожу,
кожу
с себя сняла.

у одной вместо взгляда два автоматных дула,
она заказывает два рома,
закусывает удила.
– ну, чего ты молчишь.
рассказывай, как дела.

18 января 2009 года

Старая пластинка

высоко, высоко сиди,
далеко гляди,
лги себе о том, что ждёт тебя впереди,
слушай, как у города гравий под шинами
стариковским кашлем ворочается в груди.
ангелы-посыльные огибают твой дом по крутой дуге,
отплёвываясь, грубя,
ветер курит твою сигарету быстрее тебя —
жадно глодает, как пёс, ладони твои раскрытые обыскав,
смахивает пепел тебе в рукав, —

здесь всегда так: весна не к месту, зима уже не по росту,
город выжал её на себя, всю белую, словно пасту,
а теперь обдирает с себя, всю чёрную, как коросту,
добывает плёнки, сгребаёт битое после пьянки,
отчищает машины, как жестяные зубы
или жетоны солдатов янки,
остаётся сухим лишь там, где они уехали со стоянки;
россиянки
в курточках передёргивают плечами на холодке,
и дымы ложатся на стылый воздух
и растворяются вдалеке,
как цвет чая со дна расходится в кипятке.

не дрожи, моя девочка, не торопись,

докуривай, не дрожи,
посиди, свесив ноги в пропасть, ловец во ржи,
для того и придуманы верхние этажи;
чтоб взойти, как на лайнер – стояла бы, пропала бы,
белые перила вдоль палубы,
голуби,
алиби —
больше никого не люби, моя девочка, не люби,
шейни шауи твалеби,
let it be.

город убирает столы, бреет бурые скулы,
обнажает чёрные фистулы,
систола, диастола
бьются в рёбра оград, как волны,
шаркают вдоль туч хриплые разбуженные апостолы,
пятки босые выпростали,
звёзды ли
или кто-то на нас действительно смотрит издали,
«вот же бездари, – ухмыляется, —
остопёздолы».

что-то догнивает, а что-то выжжено – зима была тяжела,
а ты всё же выжила, хоть не знаешь, зачем жила,
почему-то всех победила и всё смогла —
город, так ненавидимый прокуратором,
заливает весна и мгла,
и тебя аккуратно ткнули в него, он пластинка, а ты игла,
старая пластинка,

а ты игла, —
засыпает москва, стали синими дали,
ставь бокал, щелчком вышибай окурок,
задувай четыре свои свечи,
всех судили полгода,
и всех оправдали,
дорогие мои москвичи, —
и вот тут ко рту приставляют трубы
давно почившие
трубачи.

5 апреля 2009 года

Шестнадцать строк

Лене Грачёвой

как твой дар выгоняет тебя на лестничную площадку,
снулую улитку, обдирает с тебя твою костяную шкурку
вспарывает под пяткой твоей брусчатку, паркет и плитку,
под ладонью твоей побелку и штукатурку
хер тебе, а не тряпочку, не перчатку, ни другую попытку,
как ещё объяснять-то тебе, придурку

кто тебя кормил этой басней, что хоть ты тресни,
а там спокойней, в другой из жизней
чем оно серьёзнее, тем опасней, и интересней,
и траектория всё капризней
есть суровая предначертанность и борьба с ней,
вперёд и с песней, и настоящие только вы с ней

всё ты хочешь, сынок, чтоб они на тебя глядели,
узнать умели – и понимали,
а ты не покидал бы логова по неделе, плёл
что вы умеете, пустомели, никак не смалывая эмали
и ничем не жертвовал бы на деле, поставка
письменной карамели, да много требуется ума ли

ну так вот тебе полные руки пепла, полные чаек сопла,
и произвол, и дороговизна,

чтобы вера твоя проклюнулась и окрепла,
гордыня твоя усопла, дорога, виза
чтобы ты почуял такое пекло, в котором
всё на тебе просохло, а после радовался до визга

и злословь сколько влезет, язва,
только мы-то полезные, мы не звери
это только ханже неясно:
при виде лезвия люди делаются трезвее
в результате битья вдребезги, лязга,
скрежета железного, из цепей выпадают звенья
и над этим адом что-то начинает светиться ласково,
протягиваясь из бездны,
и расплёскивается по небу, розовея

25 марта 2012 года

Baby-face Whores

им казалось, что если всё это кончится —
то оставит на них какой-нибудь страшный след
западут глазницы
осипнет голос
деформируется скелет
им обоим в минуту станет по сорок лет
если кто-то и выживает после такого —
то он заика и инвалид

но меняется только взгляд
ни малейших иных примет
даже хочется, чтоб болело
но не болит

им казалось – презреннее всех, кто лжёт
потому что лгать – это методично
тушить о близкого страх; наносить ожог
он ей врёт, потому что якобы бережёт
а она возвращает ему должок
у него блек-джек, у неё какой-то другой мужик
извини, дружок

как же умудрилась при нас остаться вся наша юность
наша развесёлая наглеца
после всех, кого мы не пожалели

ради дурного ли дельца
красного ли словца
после сотой любви, доеденной до конца
где же наши чёрные зубы, детка
грубые швы
наши клейма на пол-лица

27 июля 2009 года

Final Cut

осень опять надевается с рукавов,
электризует волосы – ворот узок.
мальчик мой, я надеюсь, что ты здоров
и бережёшься слишком больших нагрузок.
мир кладёт тебе в книги душистых слов,
а в динамики – новых музык.

город после лета стоит худым,
зябким, как в семь утра после вечеринки.
ничего не движется, даже дым;
только птицы под небом плавают, как чайники,
и прохожий смеётся паром, уже седым.

у тебя были руки с затейливой картой вен,
жаркий смех и короткий шрамик на подбородке.
маяки смотрели на нас просительно, как сиротки,
море брызгалось, будто масло на сковородке,
пахло тёмными винами из таверн;

так осу, убив, держат в пальцах – «ужаль. ужаль».
так зарёванными идут из кинотеатра.
так вступает осень – всегда с оркестра,
как фрэнк синатра.

кто-то помнит нас вместе. ради такого кадра

ничего,
ничего,
ничего не жаль.

31 августа 2009 года

Рэп для миши

никого в списке, мама
одни пропуски
никакой речи, мама
кроме горечи
из-под ботинок зияют пропасти
из-под ладоней уходят поручни

вот как шелестит моя тишина, как гюрза, вползая
вырастает, инеем намерзая
нервная и чуткая, как борзая
многоглазая
вся от дыма сизая, будто газовая
это только казалось, что всё звучит из тебя,
ни к чему тебя не обязывая

а теперь твоя музыка – это язва,
что грызёт твоё горло розовое,
ты стоишь, только рот беспомощно разевая
тишина сгущается грозовая

никакой речи, мама, кроме горечи
чья это ночь навстречу,
город чей
что ж тебе нигде не поётся,
только ропщется

только тишина над тобой смеётся,
как дрессировщица

музыка свивалась над головой у тебя как смерч, она
была вечная
и звучала с утра до вечера
к людям льнула, доверчивая
вся просвечивала
радуги над городом поднимала
круги вычерчивала
никакого толка в ней

кроме силы тока в ней
только в ней
ты глядел счастливей,
дышал ровней
не оставила ни намёка, ни звука, ни знака
сдёрнули с языка
погасили свет в тебе
кончилась
музыка

ни одной ноты, мама
ну, чего ещё
никакой речи, мама
кроме горечи
тишина подъезжает, сигналист воюще
вяжет ручки да и пускает с горочки

«ладно, – говоришь ты себе, —
кошелёк, чемодан, вокзал
я и не такое видал, я из худшего вылезал
бог меня наказал
меня предал мой полный зал
но я всё доказал
я всё уже доказал»

знаю, знаю, дружище, куда ты катишься
повседневность резко теряет в качестве
жизнь была подруга, стала заказчица
все истории всемогущества так заканчиваются
по стаканчику
и сквозь столики пробираться к роялю, идти-
раскачиваться
делать нечего,
обесточенный
варишь хрючево
ищешь торчево

ставишь подписи неразборчиво
деньги скомканы, кровь испорчена
даже барменша морду скорчила

«как же ты меня бросила, музыка дорогая
шарю по карманам, как идиот, и ящички выдвигаю
всё пытаюсь напеть тебя, мышцу каждую напрягая,
но выходит другая
жуткая и другая

знала бы ты, музыка, как в ночи тишина сидит по углам
и глядит, проклятая,
не мигая»

Ночь 20–21 августа 2009 года, Киев

Снова не мы

Рыжсей

ладно, ладно, давай не о смысле жизни,
больше вообще ни о чём таком
лучше вот о том, как в подвальном баре со стробоскопом
под потолком пахнет липкой самбукой и табаком
в пятницу народу всегда битком
и красивые, пьяные и не мы выбегают курить,
он в ботинках, она на цыпочках, босиком
у неё в руке босоножка со сломанным каблуком
он хохочет так, что едва не давится кадыком

чёрт с ним, с мироустройством, всё это бессилие и гнильё
расскажи мне о том, как красивые
и не мы приезжают на юг, снимают себе жильё,
как старухи передают ему миски с фруктами для неё
и какое таксисты бессовестное жульё
и как тетка снимает у них во дворе с верёвки
своё негнущееся бельё,

деревянное от крахмала
как немного им нужно, счастье моё
как мало

расскажи мне о том, как постигший важное – одинок

как у загорелых улыбки белые, как чеснок,
и про то, как первая сигарета сбивает с ног,
если её выкурить натошак
говори со мной о простых вещах

как пропитывают влюблённых
густым мерцающим веществом
и как старики хотят продышать себе
пяточок в одиночестве,
как в заиндевевшем стекле автобуса,
протереть его рукавом,
говоря о мёртвом как о живом

как красивые и не мы в первый раз
целуют друг друга в мочки, несмелы, робки
как они подпевают радио, стоя в пробке
как несут хоронить кота в обувной коробке
как холодную куклу, в тряпке
как на юге у них звонит, а они не снимают трубки,
чтобы не говорить, тяжело дыша, «мама, всё в порядке»;
как они называют будущих сыновей
всякими идиотскими именами
слишком чудесные и простые,
чтоб оказаться нами

расскажи мне, мой свет, как она забирается
прямо в туфлях к нему в кровать
и читает «терезу батисту, уставшую воевать»
и закатывает глаза, чтоб не зареветь

и как люди любят себя по-всякому убивать,
чтобы не мертветь

расскажи мне о том, как он носит очки без диоптрий,
чтобы казаться старше,
чтобы нравиться билетёрше,
вахтёрше,
папиной секретарше,
но когда садится обедать с друзьями
и предаётся сплетням,
он снимает их, становясь почти семнадцатилетним

расскажи мне о том, как летние фейерверки
над морем вспыхивают, потрескивая
почему та одна фотография, где вы вместе,
всегда нерезкая
как одна смс делается эпитафией
долгих лет унижения; как от злости челюсти
стискиваются
так, словно ты алмазы в мелкую пыль дробишь ими

почему мы всегда чудовищно переигрываем,
когда нужно казаться всем остальным счастливыми,
разлюбившими

почему у всех, кто указывает нам место,
пальцы вечно в слюне и сале
почему с нами говорят на любые темы,
кроме самых насущных тем

почему никакая боль всё равно не оправдывается тем,
как мы точно о ней когда-нибудь написали

расскажи мне, как те, кому нечего сообщить,
любят вечеринки, где много прессы
все эти актрисы
метрессы
праздные мудотрясы
жаловаться на стрессы,
решать вопросы,
наблюдать за тем, как твои кумиры
обращаются в человеческую труху
расскажи мне как на духу
почему к красивым когда-то нам
приросла презрительная гримаса
почему мы куски бессонного злого мяса
или лучше о тех, у мыса

вот они сидят у самого моря в обнимку,
ладони у них в песке,
и они решают, кому идти руки мыть и спускаться вниз
просить ножик у рыбаков, чтоб порезать дыню и ананас
даже пахнут они – гвоздика или анис —
совершенно не нами
значительно лучше нас

13 июня 2009 года

Мастерство поддержания пауз

Олегу Нестерову

кажется, мы выросли, мама, но не прекращаем длиться.
время сглаживает движения, но заостряет лица.
больше мы не порох и мёд,
мы брусчатка, дерево и корица.

у красивых детей, что ты знала, мама, —
новые красивые дети.
мы их любим фотографировать в нужном свете.
жизнь умнее живущего, вот что ясно
по истечении первой трети.

всё, чего я боялся в детстве,
теперь нелепее толстяков с укулеле.
даже признаки будущего распада закономерны,
на самом деле.
очень страшно не умереть молодым, мама,
но как видишь, мы это преодолели.

я один себе джеки чан теперь и один себе санта-клаус.
всё моё занятие – структурировать мрак и хаос.
всё, чему я учусь, мама —
мастерство поддержания пауз.

я не нулевая отметка больше, не дерзкий птенчик,
не молодая завязь.

молодая завязь глядит на меня, раззявась.
у простых, как положено, я вызываю ненависть,
сложных – зависть.

что касается женщин, мама, здесь всё
от триера до кар-вая:
всякий раз, когда в дом ко мне заявляется броская,
деловая, передовая,
мы рыдаем в обнимку голыми, содрогаясь и подвывая.

что до счастья, мама, – оно результат воздействия
седатива или токсина.
для меня это чувство, с которым едешь в ночном такси на
пересечение сорок второй с десятой,
от кабаташа и до таксима.
редко где ещё твоя смертность и заменяемость
обнажают себя так сильно.

иногда я кажусь себе полководцем в ссылке,
иногда сорным семенем среди злака.
в мире правящей лицевой всё, что
занимает меня – изнанка.
барабанщики бытия крутят палочки в воздухе надо мной,
ожидая чьего-то знака.

нет, любовь твоя не могла бы спасти меня
от чего-либо – не спасла ведь.

на мою долю выпало столько тонн красоты,
что должно было так расплавить.
но теперь я сяду к тебе пустой
и весь век её стану славить.

8 июля 2012 года

Aeroport Brotherhood

Косте Ишцу, его кухне

так они росли, зажимали баре мизинцем,
выпускали ноздрями дым
полночь заходила к ним в кухню растерянным понятием
так они посмеивались над всем, что вменяют им
так переставали казаться самим себе
чем-то сверхъестественным и святым

так они меняли клёпаную кожу на шерсть и твид
обретали платёжеспособный вид
начинали писать то, о чём неуютно думать,
а не то, что всех удивит

так они росли, делались ни плохи, ни хороши
часто предпочитали бессонным нью-йоркским сквотам
хижины в ланкийской глуши,
чтобы море и ни души
спорам тишину
ноутбукам простые карандаши

так они росли, и на общих снимках вместо умершего
образовывался провал
чей-то голос теплел, чей-то юмор устаревал
но уж если они смеялись, то в терцию или квинту —

в какой-то правильный интервал

так из панковатых зверят – в большой настоящий ад
пили всё подряд, работали всем подряд
понимали, что правда всегда лишь в том,
чего люди не говорят

так они росли, упорядочивали хаос, и мир пустел
так они достигали собственных тел,
а потом намного перерастали границы тел
всякий рвался сшибать систему с петель,
всякий жаждал великих дел
каждый получил по куску эпохи себе в надел
по мешку иллюзий себе в удел
прав был тот, кто большего не хотел

так они выросли, скучали по временам,
когда были непримиримее во сто крат,
когда все слова что-то значили, даже эти —
«республиканец» и «демократ»
так они втихаря обучали внуков играть блюзовый
квадрат
младший в старости выглядел как апостол
старший, разумеется, как пират
а последним остался я
я надсадно хрипящий список своих утрат
но когда мои парни придут за мной в тёртой коже,
я буду рад

молодые, глаза темнее, чем виноград
скажут что-нибудь вроде
«дрянной городишко, брат»
и ещё
«собирайся, брат»

27–28 сентября 2009 года

СЫНОВЬЯ

вот они, мои дети, мои прекрасные сыновья
узкая порода твоя
широкая бровь твоя
и глаза цвета пепла
цвета тамариндовой косточки
нераспаханного жнивья

подбородки с ямкой, резцы с отчётливой кривизной
и над ними боженька, зримый, явственный и сквозной
полный смеха и стрёкота, как полуденный майский зной

шелковичные пятна в тетрадях в клетку и дневниках
острые колени в густой зелёнке и синяках
я зову их, они кричат мне «мы скоро! скоро!»
но всё никак

27 мая 2010 года

III

Индийский цикл

Дели

Чему учит нас Дели, мой свет?
Тому, как могущественны жара, нищета и лень.
И тому, что всё распадётся на пепел, мел, полиэтилен.
И тому, что всё тлен
и всё обратится в тлен.

Чему Дели учит меня?
Тому, что бесценные километры я трачу зря,
Заедая пустотами пустоту, проще говоря,
Еду в Индию, чтобы помнить про этот год
что-нибудь, кроме утра пятого января.

Чему учит нас Индия? Тому, что молчанье речь,
расстояние лучший врач,
Того, чего не имеешь – не потерять,
что имеешь – не уберечь.
Так что обналичь и потрать свою жизнь
до последней старости,
Проживи поскорее прочь.

2 ноября 2008 года, поезд Дели – Варанаси

Варанаси

Чему учит нас Варанаси, мой свет?

Тому лишь, что жизнь есть сон.

Тому, что всю мощность средства передвижения
заключает в себе клаксон.

Тому, что храмовая мартышка входит в разряд
влиятельнейших персон.

Чему Варанаси учит меня?

Тому, что окажешься на вершине, дойдя до дна.

Тому, что у нас начались последние,
а у них ещё ветхозаветные времена.

Нелегко придётся Тому, Кто родится здесь,
чтоб за всё заплатить сполна.

4 ноября 2008 года, Варанаси

Каджурао

Чему учит нас Каджурао, мой свет?

Тому, что love is just passing by.

И вы едете в одном поезде —

ты до Сатны, а он в Мумбай.

Он во сне улыбается, ты любуйся и погибай.

Чему Каджурао учит меня?

Тому, что в сравнении с местными божествами я молода.

Тому, что на голой любви могут быть построены

целые города.

Самый лёгкий способ её найти – это выйти из дому

и отправиться

в никуда.

6 ноября 2008 года, Каджурао – Орча

Орча

Чему учит нас Орча, мой свет?
Махараджи умели строить себе дворцы.
Имели шесть жен, сто наложниц
и вообще были молодцы.
Нет ничего забавней звонка домой из такой глуши,
изумлённой маминой хрипотцы.

Чему Орча учит меня?
Тому, что через неделю мой праведный гнев зачах.
Дети, без страха берущие тебя за руку,
женщины с тазами на головах
и корзинами на плечах.
Ласси из папайи за двадцать рупий в деревне
вечером при свечах.
Боги с голубыми телами, с большой иронией
в безмятежных своих очах.
Всё, что нужно белому человеку —
забыть о всех его киевлянах
и москвичах.

7 ноября 2008 года, дорога Орча – Гвалиор

Семь ночей

Так-то, мама, мы тут уже семь ночей.

Если дома ты неприкаянный, мама, то тут ты совсем ничей.

Воды Ганга приправлены воском, трупами и мочой
и жирны, как масала-чай.

Шива ищет на дне серьгу, только эта толща
непроницаема

ни для одного из его лучей.

И над всем этим я стою белокожей стриженной каланчой,
с сумкой «Премия Кандинского» вдоль плеча.

Ужин на троих стоит пять бачей,
все нас принимают за богачей,

И никто, слава богу, не понимает наших речей,

И поэтому мы так громко всё комментируем, хохоча.

Каждый бог тут всевидящ, мама,
и ничего, если ты неимуш и тощ.

Варишь себе неизвестный науке овощ,
добавляешь к нему

какой-нибудь хитрый хвош

И бываешь счастлив; неважно, что на тебе за вещь,

Важно, мама, какую ты в себе
закрываешь при этом мощь.

В общем, мы тут неделю, мама, и пятый город подряд

Происходит полный Джонатан Свифт
плюс омар-хайямовский рубайат.
Нужен только крутой фотоаппарат,
что способен долго держать заряд,
И друзья, которые быстро всё понимают.
Ничего при этом не говорят.

Так что, мама, кризис коммуникации,
творческое бессилие,
отторгающая среда —
Это всё, бесспорно, большие проблемы, да,
Но у них тут в почёте белая кожа, монетка в рупию и вода,
В городах есть мужчины в брюках —
если это серьёзные города,
Так что мы были правы, когда добрались сюда.
О, как мы были правы,
когда добрались сюда.

7 ноября 2008 года, Агра

Агра

Чему учит нас Агра, мой свет?

Мегаполис: каждый десятый спит на белье,
каждый пятый о нём слышал.

Над портретом Шивы и Парвати лампа,
чтоб глаз приезжего отдыхал.

Тадж Махал был построен, чтобы все расы мира
встречались перед воротами в Тадж Махал.

Чему Агра учит меня? Надо брать парату —
парата везде вкусна.

Индия лежит под колёсами, словно поверхность Марса,
и остаётся с тобой честна:

Ничего не забрать отсюда себе на память, как с того света
или из сна.

8 ноября 2008 года, перегон Агра – Пушкар

Древнерусская тоска

Мы в Пушкаре, мама, это штат Раджастан,
если в двух словах.

Женщин с двумя головами нет, но есть женщины в
шторах
с дровами на головах.

Мы ночуем в пустыне, мама, пахнет кострами, травами
и верблюдами, ущемляемыми в правах.

Люди будто сушёные, мама, – рука у взрослого человека
всегда толщиной с плеть.

На каждом товаре по сантиметровому слою пыли,
каждая спальня – сырая клеть,
Здесь никто ничего не сносит, не убирает,
не ремонтирует —
всему просто дают истлеть.

Едут бешеные автобусы, дребезжат,
и машины им вслед визжат,
и перебегают дорогу босые женщины в сари —
у любой ребёнок к груди прижат,
И коровы тощие возлежат, никому не принадлежат,
И в углу кафе сидим мы, сытые эксплуататоры,
попиваем свой оранжад.

Костя вывихнул руку, мама, вздыхает так,

будто бы кончина его близка.

Мы в пустыне, мама, нет ничего, кроме звука пищалки,
запаха ночи, огня, песка,

Я смотрю на всё это дело, мама, и тут, конечно,
древнерусская обязательная тоска.

8 ноября 2008 года, Пушкин

Пушкар

Чему учит нас город Пушкар, мой свет?
Звёзды были придуманы для того,
чтоб от лагеря взять верблюда, поехать через пески,
лечь в телеге и налюбоваться всласть.
Тот, кто имеет повозку, байк или карту – имеет власть.
Мы добрались до лучшего города на земле,
а цивилизация, к счастью, не добралась.

Чему учит Пушкар меня?
Я ничего уже не исправлю и не спасу.
На самом деле я живу здесь, в пустыне,
и ношу золотое кольцо в носу.
Ем кюфту из железной миски, держа её на весу.
И в повозке мужа по знаку «Ом»
пририсовано к каждому колесу.

10 ноября 2008 года, Пушкар – Джайпур

Каникулы на Луне

Вот тебя высаживают в открытку, тв-программу,
детскую сказку —

и ты вполне

На двенадцатый день осваиваешь пространство
и плохо помнишь,
что делал вне.

Мы тут видели тех, кто забыл вернуться,
и это зрелище не по мне —

Дранные скафандры, разбитые навигаторы —
вечные каникулы на Луне.

В первый день выходя на улицу в Дели
ты знаешь твёрдо —
часы твои сочтены.

Грязно, перенаселено, зловонно и всё гудит,
словно ты в желудке у Сатаны.

А через неделю ты счастлив, сторговывая в Пушкаре
то-ли-юбку-то-ли-штаны
За две трети от их цены.

Так что можно, пожалуй, поздравить нас —
за двенадцать дней

Мы способны обжиться в любой открытке —
неважно, ёлочка ли на ней

Или восьмирукая дева Кали в сиянии

драгоценных своих камней.

11 ноября 2008 года, Джайпур

Джайпур

Чему учит нас город Джайпур, мой свет?
Мсть индуса изобретательна и хитра.
У тебя неплохой отель, только в храме Шивы сразу за ним
служба начинается в пять утра.
И репертуар, в свою очередь, там таков,
что хрустит и трескается кора
Головного мозга. Причём сегодня он значительно
заунывнее, чем вчера.

Чему учит Джайпур меня?
Я преодолела большой маршрут.
Что ни кадр, то как из журнала Гео,
что ни индеец, то изумруд.
А сомненья, кишечные палочки и служители храма
Шивы
меня пытались, но не берут.

12 ноября 2008 года, самолёт Джайпур – Гоа

Гоа

Мы в Северном Гоа, мама, каждый пейзаж
как заставка для телефона
или рекламный 3D плакат.

Дело к вечеру, где-то уже включается
электрический треск цикад.

Кто-то едет вдоль кромки моря на старом велосипеде
через закат.

Да хранит Господь мотоциклы сезонных, мама, —
они наглы,

Объезжают на полной скорости все пригорочки и углы,
Набирая полные ноздри полынного дыма, мама,
полные руки ветра
и веки – мглы.

Пока мы сидим в баре на берегу,
допиваем клубничный сок,

Игроки в крикет ждут, когда один совершит бросок,
крабы убегают наискосок.

Это самый мизинец Индии, самый невозможный её
кусочек.

Мы проводим солнце и тут ещё посидим часок —
Пока Костя докурит,
затушит джойнт
и закинет его в песок.

13 ноября 2008 года, Гоа

Как водится

Как ты там, моё слабое утешение, моя ржавая ссадина,
ломаная банка из-под тепла?

У меня в айпODE сто пять твоих фотографий,
так что я тебя сюда привезла.

Я на севере Гоа, Тим, тут такой же бог, как у нас,
но куда чуднее его дела.

Если едешь на ста, и слёзы закатываются в уши —
это называется «с ветерком».

В барах выдают кокосовую скорлупку,
чтобы ты растолок гашиш
и смешал его с табаком.

Ящерица сбежавшей татуировкой гуляет под
потолком —

Ты сидишь, а она идёт над тобой пешком.

Голые лампочки, Тим, жестяные кружки, пыльные
майки,

нехитрый гоанский быт.

Всей литературы – только следы на песке:

скажем, узкие от ступней,

и звёздчатые от лап,

и круглые от копыт.

Кажется, что и сны тебя здесь не ищут,

но стоит тебе уснуть,

как никто окажется не забыт.

Вот он ты, глумливая бровь дугой, вот сменивший тебя,
с одной и второй серьгой,
Вот он новый мой праздник, который всегда с другой —
Все идут за мной от Парижа до Вайланканни,
где сразу над барной стойкой
мой дорогой —
Джизус Крайст,
как водится, Всемогущий
и Всеблагой.

15 ноября 2008 года, Гоа

Последнее утро

Чему учит нас Гоа, мой свет? Расстояние лучший врач.
Расставания больше встреч.

Драгоценно то, что хватило ума не присвоить,
не сфотографировать,
не облечь

Ни в одну из условностей; молчанье точней, чем речь.
Того, чего не имеешь – не потерять.
Что имеешь – не уберечь.

Чему Гоа учит меня? Тому, что из всех мужчин
только ветер и стоит слёз.

Когда катишься пятьдесят километров в час,
он уже принимает тебя всерьёз.

Всякий мрак пронцаем, любой поворот открытие,
смерть глядит дальним светом, и он белёс.

Твоя тень состоит из чёлки, стоящей дыбом,
руля, сидения и колёс.

Гоа учит меня доверию – десять дней

Ездишь за спиной того, про которого точно знаешь —
ему видней,

Так что скоро чуть ли не дом родной обретаешь в ней,
Даже набирая полные фары пыли
и полные шины выбоин,
зеркала – разбегающихся огней.

Да, в последнее утро, пожалуй, стоит проснуться в шесть,
Сесть в рассвет, попытаться собрать всё вокруг и счесть,
попросить присяжных в себе учесть,
Что уж если Господь задумывал фрукты,
линию горизонта
и экзотических сумасшедших такими, какие здесь, —
О, какую же это делает Ему честь.

Если завтра отъезд, у тебя невозможный рост.
Правой ногой попираешь ты Сиолимский,
а левой Кузнецкий мост.
Слышишь благовест, погружая лицо
в прохладную мякоть звёзд —
над Москвой не бывает звёзд.
Пахнет пряным вест.
Пахнет жжёным ост.
И становишься чист, отверст и предельно прост.
Сам себе и Приянка Чопра,
и Роберт Фрост.

23 ноября 2008 года, Гоа

Back to Paradise

«Слушай, оставайся, а твою книжку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.